

Ундина — эпизод 29 из 29

Вдруг из колодца что-то, как будто белый прозрачный
Столб водяной, поднялося торжественно, тихо. Сначала
Подлинно бьющим ключом показалось оно, но, поднявшись
Выше, каким-то бледным, в белый покров облеченным
Женским образом стало. И плача и жалобно руки
Вверх подымая, оно медлительно, шагом воздушным
Прямо к замку двигалось. В ужасе все отбежала
Прочь от колодца. Бертальда же, стоя в окне, цепенела,
Холодом страха облитая. Вот, когда поравнялся
С самым окошком идущий образ, сквозь покрывало
Он поглядел на Бертальду пронзительным оком, с тяжелым
Вздохом; и бледным лицом Ундины тогда показался
Образ Бертальде: мимо ее она, упинаясь,
Нехотя, медленно шла, как будто на суд. Позовите
Рыцаря! громко вскричала Бертальда. Но все в неподвижном
Страхе стояли на месте. Сама Бертальда, как будто
Собственным криком своим приведенная в ужас, умолкла.
Тою порою чудесная гостья приблизилась к двери
Замка, знакомую лестницу, ряд знакомых покоев
Тихо, молча, плача, прошла... о, такую ль, бывало,
Здесь видали ее? В то время еще не раздетый
Рыцарь в уборной своей стоял перед зеркалом. Тусклый
Свет проливала свеча. Вдруг кто-то легонько
Стукнул в дверь... так точно, бывало, стучалась Ундина.
Все это призрак! сказал он. Пора мне в постелю. В постеле
Будешь ты скоро, но только в холодной, шепнул за дверями
Плачущий голос. И в зеркало рыцарь увидел, как двери
Тихо, тихо за ним растворились, как белая гостья
В них вошла, как чинно замок заперла за собою.
Камень с колодца сняли, она промолвила тихо,
Здесь я; и должен теперь умереть ты. Холод, по сердцу
Рыцаря вдруг пробежавший, почувствовать дал, что минута
Смерти настала. Зажавши руками глаза, он воскликнул:
О, не дай мне в последний мой час обезуметь от страха!
Если ужасен твой вид, не снимай покрывала и строгий
Суд соверши надо мной, мне лица твоего не являя.

Ах! она отвечала, разве еще раз увидеть,
Друг, не хочешь меня? Я прекрасна, как прежде, как в оный
День, когда твоею невестой стала. О, если б
Это правда была! Гульбранд воскликнул, о, если б
Мне хоть один поцелуй от тебя! и пускай бы
В нем умереть! Охотно, возлюбленный мой, покрывало
Снявши, сказала она; и прекрасной Ундиною, прежней
Милой, любящей, любимой Ундиною первых, блаженных
Дней предстала. И он, трепеща от любви и от близкой
Смерти, склонился к ней в руки. С небесным она поцелуем
В руки его приняла, но из них уже не пустила
Боле его; а крепче, все крепче к нему прижимаясь,
Плакала, плакала тихо, плакала долго, как будто
Выплакать душу хотела; и быстро, быстро лиясь,
Слезы ее проникали рыцарю в очи и с сладкой
Болью к нему заливались в грудь, пока напоследок
В нем не пропало дыханье и он не упал из прекрасных
Рук Ундины бездушным трупом к себе на подушку.
Я до смерти его уплакала, встреченным ею
Людьми за дверью сказала Ундина и тихим, воздушным
Шагом по двору, мимо Бертальяды, мимо стоявших
В страхе работников, прямо прошла к колодцу, безгласной,
Грустной тенью спустилась в его глубину и пропала.

Патер Лаврентий, услышав о том, как внезапно и чудно
Кончил жизнь владетель замка Рингштеттена, тотчас
В замке явился; и он, входя во двор, осененный
Липами, встретился там с монахом, недавно венчавшим
Рыцаря: в ужасе тот удалиться спешил. Так и должно!
Патер Лаврентий сказал. Теперь моя наступила
Очередь; мне помощник не нужен. Хотел он невесте,
Вдруг овдовевшей, отрадное слово сказать в подкрепление;
Но Бертальяда, ему не внимая, молчала угрюмо.
Старый рыбак молился и плакал и, в горе смиряясь,
Думал: Оно иначе и быть не могло то господний
Суд; и, конечно, Гульбрандова смерть никому не могла быть
Так тяжела, как именно той, которую с смертной
Вестью прислали к нему, отверженной, бедной Ундине.
Стали готовить обряд похоронный, как было прилично

Сану покойника: тело его положить надлежало
Подле церкви приходской, там, где были гробницы
Предков его, одаривших множеством вкладов богатых
Эту церковь. И щит и шлем уж лежали на кровле
Гроба, чтоб с ним опуститься в могилу, ибо наш рыцарь
Был последний в роде своем, который с ним вместе
Кончился весь. И ход печальный уже начинался;
Песнь погребальная к светло-спокойной небесной лазури
Тихо всходила; с длинным крестом, во всем облачение
Патер Лаврентий шел впереди; за ним шла Бертальда,
В горьких слезах, на дряхлую руку отца опираясь.
Вдруг посреди Бертальдиных женщин, одетых в глубокий
Траур и шедших в свите ее, заметили белый
Образ, в длинном, густом покрывале, тихо идущий,
Грустно потупивши голову. Страхом проникнут был каждый,
Шедший подле такого товарища; все сторонились,
Пятились, так что порядок хода расстроился. Силой
Два смельчака хотели незваного из ряду вывести;
Но, от них ускользнувши, как легкая тень, он на прежнем
Месте явился опять и последовал тихо за гробом.
Вот напоследок он мало-помалу, менялся местом
С теми, кто в страхе спешил от него удалиться, подле
Самой вдовы очутился; но ею сначала примечен
Не был и сзади пошел смиренно-печальный. Достигнул
Ход до кладбища, и все обступили могилу. Тут в первый
Раз Бертальда незваного гостя увидела, в страхе
Стала она рукою махать, чтоб он удалился;
Но покровенный, кротко упорствуя, тряс головою,
Руки к ней простирали и как будто молил о пощаде.
Вспомнила тут невольно Бертальда Ундину, как руку
К ней она подняла на Дунае, когда ей хотела
Так добродушно подать ожерелье, и как под водами
Скрылась потом навсегда. Но в это мгновение подал
Знак отец Лаврентий, чтоб все умолкли. И стали
Гроб опускать в могилу, и мало-помалу засыпан
Был он землею. Когда же совсем был набросан могильный
Холм и читать последнюю начал молитву священник,
Стала вдова на колени, стали и все на колени,
В том числе и могильщики, кончивши насыпь. Когда же

Снова все встали... уж белый образ пропал; а на мосте,
Где он стоял на коленях, сквозь травку сочился прозрачный
Ключ; серебристо вился, он вперед пробирался, покуда
Всей не обвил могилы; тогда ручейком побежал он
Дале и бросился в светлое озеро ближней долины.
Долго, долго спустя про него тех мест поселяне
Чудную повесть любили прохожим рассказывать; долго,
Долго жило поверье у них, что ручей тот Ундина,
Добрая, верная, слитая с милым и в гробе Ундина.